

Гермиона ожидала, что что-то обязательно случится, когда Малфой появился из потайного дверного проема с медальоном в руке. Она застыла, когда услышала предупреждение Котоне в тот момент, когда Малфой вложил медальон в руку Гарри. Ей показалось, что она увидела быструю вспышку света, когда медальон коснулся его ладони, но кроме этого, похоже, ничего не произошло. За исключением странного отстраненного выражения, которое внезапно появилось на лице Гарри.

Котоне резко оттолкнулась от груди Гарри и спрыгнула на пол, а Гермиона неуверенно шагнула к нему и спросила:

— Гарри? С тобой все в порядке?

В ответ она услышала лишь панический вздох Котоне. Она нервно переминалась с ноги на ногу и что-то шептала себе под нос на японском языке хриплым голосом... Затем маленькая ведьма внезапно повернулась к Рону и воскликнула:

— Хё! Мне нужна книга моей матери, которая лежит в коробке с моими школьными вещами!

Рон долгое время просто растерянно смотрел на нее, прежде чем ответить:

— А? Что за школьная коробка?

Гермиона наблюдала, как взгляд Котоне встретился со взглядом Рона, и на короткое мгновение тело Рона напряглось, затем он отшатнулся назад и сказал:

— Ого, какое странное ощущение... Она говорит, что ей нужна книга из сундука. Я оставил его в холодильнике внизу, я просто...

Прежде чем Рон успел закончить, Гермиона уже рылась в сумке в поисках сундука Котоне. Она вытащила его, поставила на пол и увеличила до исходных размеров.

Котоне отчаянно рылась в сундуке, раскидывая одежду по коридору. Наконец она вытащила древний фолиант, разложила его на полу перед Гарри и, вытащив палочку, села на пыльный ковер и начала перелистывать пожелтевшие страницы.

Гермиона взглянула в глаза Гарри, которые по-прежнему были стеклянными и бессмысленными; затем она шагнула к маленькой ведьме и спросила:

— Котоне, что с ним случилось? Что ты видела?

Котоне повернулась и издала громкое угрожающее рычание, которое служило предупреждением не мешать тому, что она пыталась сделать, и группа подростков

инстинктивно отшатнулась от нее... В тревожном молчании они наблюдали, как маленькая ведьма продолжала рыться в книге. Наконец она нашла раздел, который, по-видимому, искала. Она вытащила палочку и начала произносить заклинание на японском, бросая взгляд на книгу, чтобы удостовериться, что она все делает правильно.

Проходили минуты, пока Котоне монотонно бормотала себе под нос. Ее бледное лицо и шевелящиеся волосы быстро заблестели от пота. Голос Котоне сначала был как обычно грубым и хриплым, но, когда ее слова стали эхом разноситься по широкому коридору, казалось, он превратился в тягучий мелодичный звон; он был похож на панихиду, эхом разносящуюся из глубины большой пещеры.

Гермиона была очарована этим звучанием... Окружающий ее мир казался каким-то нереальным — коридор расширялся, и стены исчезали вдалеке. Хотя все предметы вокруг нее, казалось, растворилось в тумане, она все еще чувствовала присутствие окружавших ее людей. Гермиона повернулась, чтобы спросить у Рона, чувствовал ли он то же, что и она, но вместо долговязого рыжеволосого парня она увидела стоящего позади нее изящного пятнистого леопарда. Она повернулась к Полумне и Драко, и вместо них увидела неестественно большого белоснежного голубя, а рядом с ним взлохмаченного черного ворона. Она взглянула на себя и была изумлена, увидев, что у нее было тело огромного золотого орла.

Она обернулась и увидела фигуру Гарри — он был большим золотым львом, вокруг которого извивалась пара змей; они не имели физического тела, а были какими-то призрачными, и одна из змей выглядела значительно крупнее и энергичнее другой. Гермиона задумалась, почему она не может видеть «присутствие» Котоне, и логическая часть ее мозга подсказала ей, что она, видимо, была одной из этих двух змей... Неожиданно эмоциональная сторона ее натуры напомнила ей о том, что произошло в последний раз, когда она решила, что Котоне напала на Гарри.

Она собиралась попытаться остановить маленькую ведьму, но прежде чем смогла двинуться с места, грубый голос Котоне странным образом разнесся по коридору. Ее слова стали громче и эхом отозвались в ушах Гермионы; неожиданно это эхо странно исказилось и приобрело более мягкое, легкое звучание, очень похожее на голос, который она использовала во время общения с другими. Гермиона вздрогнула, когда поняла, что через эхо она понимала те отчаянные слова, которые повторяла Котоне.

— ...Ты должен быть освобожден, о Дух Печали! Я приказываю тебе, о Дух Разрушения, ослабить хватку невинного... Дух Разрушения, Дух Скорби, я сковываю тебя железными цепями, Святым Железом, созданным в кузницах Небес... Ослабь свою хватку и отойди от него сейчас же! У вас нет никакого права, нет власти...

Продолжая говорить нараспев, Котоне начала вращать перед собой своей палочкой, чертя в воздухе светящиеся древние символы кандзи. Они выглядели так, как будто были созданы из жидкого огня, брызжущего малиновым пламенем.

И снова Гермиона была ошеломлена, обнаружив, что каким-то образом понимает, что означают плавающие в воздухе иероглифы кандзи. Как только очередной иероглиф догорал, по

залу разносился громкий стук, похожий на звук удара деревянного молотка по большой бамбуковой трубе. В тот момент, когда раздавался стук, летающие иероглифы пульсировали энергией и с каждым новым ударом змеи, обвивавшиеся вокруг льва, корчились и дергались, их рты открывались в беззвучном шипении, а клыки обнажались, как будто от сильной боли.

— ...Дух гнуснейший, тебе будет отказано в награде, ты будешь отречен... Ты держишь моего брата, льва, ты дух боли, горя и самого злого греха... Я отбрасываю тебя, связанного Священным Железом, обратно в ад, откуда ты и появился...

Догорел очередной иероглиф, и снова запульсировала магия; раздался стук. На Гермioniу нахлынул поток невероятной силы... Каким-то образом она поняла, что пыталась сделать Котоне, и почему-то была точно уверена, что Котоне не добьется успеха в своем ритуале... Иероглифы были нарисованы неправильно... И слишком торопливо... Слишком мелко... Кроме того, ведьма использовала не тот тип магии, который был сейчас нужен... Гермioniа понятия не имела, откуда это узнала, даже как почувствовала, что на самом деле существуют разные типы магии; но она это знала совершенно точно.

Через мгновение после того, как ее поразило это осознание, она увидела, как Котоне закончила рисовать последний иероглиф, вспыхнуло синее пламя, и все иероглифы взорвались, отбросив маленькую ведьму прямо в руки Гермioniы.

Когда неудавшееся заклинание рассеялось, странный туман вокруг Гермioniы исчез, и ее снова окружил реальный мир. Она пошатнулась, пытаясь удержать равновесие; маленькая ведьма в полубессознательном состоянии безвольно висела у нее на руках. Она повернула голову к остальным — они смотрели на нее с озабоченными лицами.

Рон заговорил первым:

— Что только что произошло? Что с ними случилось?

— Разве ты не видел? Свет? Змеи... они, должно быть, Вол... — Гермioniа остановилась, понимая, что рядом стоят Малфой и Полумна. Лавгуд, скорее всего, можно было доверять, но вот Малфой... Ему она доверять не могла, даже с учетом его «состояния».

— Мы ничего не видели, Гермioniа, — спокойно сказала Полумна. — Эта девушка открыла книгу, начала нараспев читать по-японски, а затем через несколько минут она каким-то образом угодила тебе на руки...

Котоне зашевелилась в руках Гермioniы, а затем издала звук, похожий на вопль отчаяния. Она повернулась, чтобы посмотреть Гермioniе в глаза, и установила связь ровно настолько, чтобы сказать ей:

— Прощай, Ваши; пожалуйста, защити моего Шиши. Ты знаешь, что нужно делать.

Когда Котоне прервала связь и прежде, чем она отвернулась, Гермиона уловила в фиолетовых глазах маленькой ведьмы выражение печального смирения. У нее перехватило дыхание, когда она поняла, что собирается сделать Котоне и чего она ожидает от нее самой.

— Котоне, нет! Мы найдем другой способ! Ты не можешь этого сделать!

Котоне не повернулась к ней, она просто посмотрела в пустые глаза Гарри и попробовала установить между ними связь.

\* \* \*

Гарри обнаружил, что идет по странно знакомому лугу, усыпанному цветами. Цветы, как и огромное поле, на котором они росли, простирались до самого горизонта. Он ненадолго взглянул в безоблачное голубое небо, затем закрыл глаза и глубоко вздохнул, наслаждаясь сочным ароматом зелени вокруг себя.

Сцена казалась вполне мирной, но Гарри никак не мог расслабиться. Он чувствовал, что должен что-то сделать... Что-то очень важное... Но хоть убей, он не мог вспомнить, что это было... Что бы это ни было, это что-то грызло, подтачивало его, пыталось достучаться до его воспоминаний, но все-таки оставалось вне досягаемости.

Гарри был вырван из его мыслей напряженным голосом, доносившимся справа от него:

— Я думаю, что я понимаю, что с тобой происходит, Шиши-сан, но я не знаю всего. Пожалуйста, сейчас мне важно знать, что происходит... Чья душа была в медальоне?

Гарри посмотрел на смутно знакомую девочку, идущую рядом с ним, и задумался, как долго она уже здесь находится? Она была одета в рваный серый плащ с капюшоном, который прилипал к ее телу, как будто она была насквозь мокрой. Ему действительно было все равно, как она оказалась здесь, он был просто рад, что у него наконец-то появилась компания.

Не останавливаясь, он искоса взглянул на нее и спросил:

— О каком медальоне ты говоришь?

Она посмотрела на него; ее удивленные фиолетовые глаза выглядывали из-под капюшона, и она устало вздохнула и взяла его за руку, показывая, что хочет, чтобы он остановился.

— Шиши, что ты видишь, когда смотришь вокруг?

Гарри быстро огляделся по сторонам и не мог не улыбнуться, когда ответил этой незнакомке:

— Оглянись вокруг, как здесь чудесно! Огромное поле цветов в теплый летний день! Здесь так тихо... Мирно... Никаких проблем, никаких забот, ни одного сумасшедшего, пытающегося меня убить...

Он и понятия не имел, как эта мысль пришла ему в голову:

— Почему я вообще упомянул какого-то сумасшедшего? Никто не хочет меня убивать! Зачем кому-то нужна моя смерть?

— Ты знаешь, кто ты? — с тревогой спросила его девочка: — Назови мне свое имя.

Гарри на мгновение задумался, мысль об имени ему не приходила ему в голову... Как его только что его назвала эта маленькая девочка?

— М-м... меня зовут Шиши?

Глаза Котоне смягчились, она что-то для себя поняла; она спросила Гарри:

— Ты знаешь, что это за место вокруг тебя?

— Это просто поле с цветами, я не знаю, как оно называется.

— Так твоими глазами выглядит место твоей мечты... Оно воплотилось из твоих самых сокровенных желаний о будущем... О мире... Об удовлетворении. Это твое убежище, место твоей силы. Я защищала тебя от змея, но теперь их двое, а второй, хотя и моложе, намного сильнее первого. Я не смогла его поразить, как первого, и теперь они хотят объединиться против тебя. У меня нет сил, чтобы бороться с ними или хотя бы связать их.

Гарри посмотрел на маленькую девочку, на его лице отразилось недоумение:

— Я... я действительно не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я думаю, что теперь понимаю, что это за змеи... Сначала я думала, что ты родился с двумя душами, но теперь поняла, что змеи ненастоящие... Змея, которую я видела на Джаккару, была похожа на ту, что обвивает тебя, и они обе ранены. Теперь я увидела третью душу из медальона, брата змей Шиши и Джаккару. Я должна попытаться привлечь ее к себе. Чтобы попробовать это сделать, мне нужно снять с тебя защиту... Приготовься — в один миг твоя

защита исчезнет, и ты все вспомнишь, и я боюсь, что это место уже не будет казаться тебе таким приятным, как сейчас. Как только ты вспомнишь, ты должен мне все рассказать. Ты должен доверять мне.

И снова она упомянула медальон и каких-то змей... Он уже открыл рот, чтобы расспросить ее об этом, как будто кто-то вдруг внезапно переключил канал телевизора, и мир вокруг него изменился. Он задрал голову к небу, которое всего несколько минут назад было безоблачно-синим, а теперь стало зловещим угольно-серым. С неба хлынули крупные капли ливня, обдавая Гарри густым кровавым потоком. Из кипящих облаков сверкнула красная молния, за которой загрохотал гром; его раскаты были подобны артиллерийскому огню. Цветы исчезли, и теперь он стоял в грязи, пропитанной кровью. Гарри внезапно вспомнил — он уже был здесь раньше. Кровавый дождь, могильный камень... Он видел Гермиону, лежащую в гробу... И медальон. Он снова взглянул на небо и увидел двух переплетенных змей, парящих у него над головой; они корчились и извивались в каком-то чудовищном воздушном танце.

Котоне заметила, как на лице Гарри отразилось понимание.

— Шиши, пожалуйста, расскажи мне, что происходит... Какие души пытаются овладеть тобой? Чья душа была в медальоне? Ты сказал мне, что хотел стать мне отцом; ты должен верить в меня, чтобы сделать это... Пожалуйста, позволь мне тебе помочь!

Гарри посмотрел в глаза Котоне и увидел в них страх. Он начал понимать, что происходит... Душа, которая находилась в хоркруксе, вторгалась в него и пыталась воссоединиться с частичкой души Волдеморта, которая случайно оказалась внутри него. Это произошло, когда пал Темный Лорд, а Гарри был еще младенцем. Он также понял, что в своем нынешнем состоянии бессилён предотвратить это.

— Ты помнишь, как ты подслушала, что Гермиона и Рон говорили о хоркруксах? Хоркруксы создаются, когда волшебник разрывает свою собственную душу, совершая акт убийства... Волшебник помещает фрагмент своей души в физический сосуд, привязывающий душу к миру. И если он умрет, это гарантирует, что его нельзя убить, пока сосуд-хоркрукс все еще существует. Душа, находящаяся в медальоне, а также душа, которую ты видишь, обвивают меня; они были созданы Лордом Волдемортом. Мы искали хоркруксы, чтобы уничтожить их, в надежде искоренить его бессмертие.

— Почему? — спросила Котоне. — Зачем ты взвалил такую ношу на свои плечи?

Гарри посмотрел на промокшую землю под ногами и ответил:

— Потому, что существует пророчество, в котором говорится, что я единственный, кто способен уничтожить Волдеморта. Я уже говорил тебе, что мне «суждено спасти волшебный мир», именно это я и имел в виду. Я должен убить его или быть убитым им... Если я проиграю, никто, кроме чистокровных волшебников, уже не будет в безопасности. Волдеморт объявит вендетту маглорожденным — таким, как Гермиона, полукровкам вроде меня и... И вроде тебя. Я должен это сделать!

Котоне понимающе кивнула, а затем спросила:

— А что насчет заклинания, которое Джаккару наложила на тебя и Ваши? Я увидела между вами искусственно созданную связь, почерневшую и испорченную... Что ты можешь мне об этом сказать?

— Под Джаккару, я думаю, ты имеешь в виду Джинни Уизли... Похоже, она провела ритуал, предназначенный для разрыва связи чистокровного волшебника с «низшим» существом. Она считала, что ритуал должен воссоединить двух возлюбленных и привлечь к ней одного из них — меня.

Котоне снова кивнула:

— Так вот почему между вами возникла связь. Ритуал, который провела Джаккару, создал магию, действующую как на Ваши, так и на тебя, и она наложила на мою собственную магию... Когда мы вернемся отсюда, Ваши сможет восстановить естественную связь между вами, и это поможет полностью изменить эффект ритуала Джаккару. Я пыталась, но у меня недостаточно сил. Пожалуйста, убедись, что она точно поняла мою книгу, это очень важно...

С этими словами Котоне села на грязную землю и сложила руки на коленях. Она посмотрела на Гарри потемневшими глазами и сказала:

— Я сделаю все, что в моих силах, а остальное будет зависеть от тебя.

Гарри стоял перед маленькой девочкой и смотрел, как она закрыла глаза и начала нараспев читать длинное мелодичное заклинание на японском языке. Когда ее песня эхом разнеслась по воздуху, он почувствовал, как на него накатывает волна печали. Когда ее голос стал громче, гром и молнии прекратились, а кровавый ливень почти успокоился и перешел в легкий морозящий дождик.

Гарри прислушался и услышал еще два далеких голоса, подпевающих Котоне; эти голоса были голосами змей... Голоса напевали об одиночестве, страхе и далеком доме... Голоса звали друг к другу, маня, обещая безопасность и комфорт. Змеиные голоса постепенно становились все громче и яснее, заставляя Гарри взглянуть вверх. Он увидел, что змеи приближались, они уже парили всего в нескольких метрах у него над головой и направлялись в сторону маленькой ведьмы.

Котоне внезапно прекратила свое заклинание, и змеи-близнецы начали сердито шипеть. Маленькая ведьма изумленно огляделась по сторонам, затем испуганно вздохнула и закричала:

— Нет! Сейчас я не могу остановиться! Только не сейчас! — ее глаза расширились, и она вновь прокричала: — Ваши, нет! Мне нужно сделать это! Пожалуйста! Не останавливай меня!

Гарри стоял совершенно ошеломленный, наблюдая, как исчезает Котоне. Он очнулся только тогда, когда в небе сверкнула красная молния и ударила в землю всего в нескольких ярдах от него. С неба снова начал падать кровавый дождь, а змеи-близнецы, находившиеся всего в нескольких метрах над ним, угрожающе посмотрели на него и стали медленно приближаться к Гарри, готовые впитаться в него.

\* \* \*

Казалось, что на коридор опустилась какая-то мрачная пелена, когда Котоне пристально посмотрела в глаза Гарри. Гермиона беспомощно взглянула на Рона, у которого было совершенно ошарашенное выражение лица; его глаза метались между Гарри и Котоне.

— Что происходит? — нервно спросил Рон, шагнув к Гарри. — Что она делает?

Гермиона повернулась к Полумне и попросила ее отвести Малфоя обратно в кабинет. Как только Полумна исчезла за дверью, она повернулась к Рону и сказала:

— Она собирается перетянуть в себя частичку души Волдеморта... Я думаю, что она хочет, чтобы я... Чтобы...

Рон, как и ожидала Гермиона, вздрогнул при упоминании имени Темного Лорда; но, несмотря на то, что его покоробили ее слова, он все же пересилил себя и продолжил:

— Хочет, чтобы ты что?..

Гермиона продолжила хриплым шепотом:

— Я думаю, что она хочет, чтобы я оглушила ее, как только кусочек его души окажется внутри нее, или... Или, может быть, даже убила ее...

Рон побледнел, как только услышал ее слова, и пробормотал:

— Блин, ты ведь не собираешься этого делать?! Я имею в виду — убивать ее?

Гермиона сжала кулаки и немного погодя ответила:

— Я... Не знаю, смогу ли я... Если фрагмент души Волдеморта начнет управлять ей, нам же все

равно придется что-то делать, да?

Рон сделал еще один осторожный шаг навстречу Гарри; прямо за его спиной прозвучала пара хлопков, и он окаменел от страха... С выпученными глазами он развернулся на пятках и вытащил палочку удивительно плавным движением. В следующую секунду он осознал, что его палочка направлена на пару сжавшихся перед ним домовых эльфов.

Добби стоял рядом с другим незнакомым эльфом, и оба держали по довольно большой книге. Они неуверенно поднесли эти книги Гермионе, и Добби взволнованно объяснил:

— Мы сделали это, госпожа Грейнджер! Мне жаль, что это заняло так много времени...

Гермиона протянула руку и освободила эльфов от их бремени. Она спросила:

— Долго? Прошло всего пятнадцать минут! Как тебе удалось так быстро ее перевести?

Добби гордо улыбнулся:

— Каждый из эльфов Хогвартса взял по одной странице и перевел ее на английский язык. Так получилось намного быстрее, и никто не знает, о чем книга в целом, — затем он понизил голос до шепота и добавил: — Вы же понимаете, домовые эльфы не должны владеть волшебной магией...

В другой ситуации Гермиона, наверное, была бы сильно возмущена такими необоснованными ограничениями для магических существ, введенных Министерством; но сейчас она была слишком обеспокоена тем, что происходит между Гарри и Котоне.

Внезапно второй домашний эльф испуганно ахнул, и Добби резко обернулся; Гермиона снова уставилась на Гарри. И вот тут-то Добби обратил внимание, что происходит между Гарри и маленькой ведьмой.

Большие зеленые глаза Добби, похожие на теннисный мячик, казалось, стали еще более выпуклыми, чем обычно, и его голос прозвучал необычайно серьезно, когда он спросил:

— Что Старейшина делает с нашим Гарри Поттером?

Гермиона украдкой взглянула на Рона, который все еще молча смотрел на Гарри. Она уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но не могла подобрать слов... Пока не услышала читаемое нараспев заклинание.

Все началось с тихого, едва слышимого рычания, очень похожего на звук, который может издать спящая собака во время особенно приятного сна. Напев Котоне становился все громче и

отчетливее, но язык, на котором она пела, был точно не японский, и Гермиона даже не представляла, что это за наречие... Но, видимо, два присутствующих домашних эльфа понимали. Они стояли неподвижно, как в трансе, а потом начали... плакать?

Гермиона наклонилась и посмотрела в слезящиеся глаза Добби. Затем она спросила:

— Добби? Что она сейчас делает? О чем она поет?

Добби, не отводя плачущих глаз от Котоне, ответил едва слышимым шепотом:

— Старейшина зовет заблудшую душу домой, мисс Грейнджер. Ангел поет песню приветствия и любви, взывая к душе, которая не знает пути... Как она прекрасна!

Подозрения Гермионы подтвердились. Котоне пыталась втянуть в себя фрагмент души из хоркрукса. Мысли забегали у нее в голове. Неужели Котоне станет одержима фрагментом души? Ведь Джинни уже когда-то практически попала в Тайную комнату? Неужели маленькая ведьма действительно ожидала, что Гермиона сможет ее убить? Она никогда в жизни никого не убивала! Может, просто оглушить ее? Или что?

Гермиона рассеянно взглянула на большие фолианты, лежащие у нее в руках. Название книги-оригинала было написано с помощью кандзи. Она вытащила вторую книгу и ахнула, прочитав слова «Магия души — Искусство чародейки, жрицы и некроманта».

Гермиона взглянула на лежавшую на полу книгу, которую читала Котоне. Она говорила, что книга принадлежала ее матери, и вспомнила, что Котоне — не та ведьма, которая должна творить подобную магию... Ее поразило осознание того, что хотя Котоне не была той самой ведьмой, такой ведьмой была сама Гермиона. Ее лицо ожесточилось, и она наконец приняла решение, что ей делать; убийство Котоне не входило в ее планы.

Гермиона подняла раскрытую книгу, лежащую на полу, и протянула ее Добби, сказав:

— Скорее, возьми ее и переведи, как ты уже делал в прошлый раз...

Когда Добби даже не попытался взять книгу, Гермиона схватила его за плечо и затрясла маленького эльфа, пока его взгляд не оторвался от Котоне. Она настойчиво твердила ему:

— Это нужно сделать очень быстро! Со Старейшиной случится нечто ужасное, если ты не переведешь это как можно скорее, понимаешь?

Добби вытер слезы своим галстуком, на котором были узоры в виде подков, кивнул и медленно взял книгу у Гермионы. Раздалась пара тихих хлопков, и два домовых эльфа исчезли.

Когда эльфы исчезли, Гермиона подошла поближе к Котоне и наклонилась к ней:

— Малышка, сейчас ты должна остановиться... Ты не должна притягивать к себе фрагмент души из хоркрукса. Оставь это Гарри, и я позабочусь о нем!

После слов Гермионы у Рона отвисла челюсть:

— Что? Гермиона! Ты понимаешь, что делаешь?

Котоне внезапно перестала напевать. Они услышали ее грубый шепот:

— Нет! Я не могу остановиться! Только не сейчас!

На лице Гермионы отразилась какая-то мрачная решимость... Она вздохнула и ответила:

— Прости, Котоне.

Когда Гермиона подняла палочку, маленькая ведьма ахнула и отчаянно прошептала:

— Ваши, нет! Мне нужно сделать это! Пожалуйста! Не останавливай меня!

— Stupefy.

Когда Котоне безвольно рухнула на пол, Гермиона направила палочку на Гарри. На одно короткое мгновение она увидела слабое малиновое сияние в ничего не выражающих глазах Гарри, прежде чем второе заклинание, направленное из ее палочки, отправило его на пол; он растянулся рядом с маленькой ведьмой.

Рон тут же подскочил к Гарри. Он наклонился и спросил:

— С ним же все будет в порядке?

Гермиона подняла Котоне с пола и ответила:

— Я не знаю.

Она понесла Котоне по коридору в спальню, которую раньше делили Рон и Гарри, и заставила Рона нести Гарри. Как только они оказались на месте, Гермиона подняла переведенную книгу и сказала Рону:

— Проследи, что они не проснутся, мне нужно еще кое-что почитать.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818742>